

За все то хорошее, что это давало ему в данный момент. За все хорошее - подождите минутку. Энакин моргнул, вдруг с ужасом осознав, что что-то не так. Это было не столько ощущение неправильности, сколько... неуместности. Он что-то чувствовал. Кого-то, похожего на него. И снова это была не колючка опасности за спиной, а скорее чувство знакомости. Ностальгии. Присутствие. Он был уже ближе, достаточно близко, чтобы слышать звуки, доносящиеся из правого двигателя, звуки, которые он не должен издавать. Энакин был уже совсем близко, опасно близко, настолько, что даже слышал голоса.

"Проклятье, Ади'ка, ты изрядно потрепал этот двигатель, пока меня не было". Скрежет инструмента о сталь пронзил воздух. "Это последний раз, когда я берусь за работу для Джанго, а? Проклятый ди'кут засранец, продержал меня на Камино три месяца..."

Энакин вздрогнул, когда до его слуха донесся отрывок мандо'а - родного языка мандолорианцев. Он знал только одного из легендарных воинов. Но этого не должно было быть. Он не должен был - не мог - находиться здесь. Прошло уже три месяца с тех пор, как он в последний раз видел, как тот сел на корабль и улетел в неизвестные края.

Вот.

Из-за капсулы выглядывала косматая грива светлых волос; когда он посмотрел, внутри двигателя раздался резкий лязг, сопровождаемый не менее резким проклятием на хаттском языке.

"Фиерфек!"

Еще один лязг, еще одно проклятие.

Сдерживая ухмылку и крик восторга, Скайуокер подполз к своей капсуле. Теперь, даже в лучах медленно заходящего солнца Татуина, отрицать это было невозможно. Он знал этот голос. Так же, как он знал.

"Даже не думай об этом, Энни".

Молодой Скайуокер вздрогнул от неожиданности, когда пара рук схватила его за плечи и развернула лицом к Т-образному козырьку мандалорца. В его животе зашевелилась змейка ужаса, прежде чем он узнал странное оранжево-черно-малиновое пятно, глядящее на него сверху вниз. Как всегда, блондин был облачен в тяжелые доспехи; ходили слухи, что несколько месяцев назад он выторговал у мандалорианца ценный стальной костюм, который носил сейчас. По слухам, он был способен отразить даже световой меч, и ничто, кроме турболозера, не смогло бы нанести реальный урон мандолорианской стали - или Наруто, - пока вы носите этот костюм.

"Что я тебе говорил о том, чтобы подкрадываться ко мне?" Из капсулы высунулось усатое лицо, ярко-голубые глаза смотрели на него под суровым солнцем Татуина. Узумаки Наруто, тридцати

лет от роду, смотрел на молодого гонщика с чем-то похожим на хмурый взгляд, но не на улыбку. Его выражение лица говорило само за себя

"Чтобы не быть". Энни попытался сфокусировать взгляд на полу, но вздох блондина заставил его остановиться. Наруто улыбался.

"Эх, вот что я получаю за то, что пытаюсь удивить тебя новыми деталями", - сказал он. "Брось мне этот гидроспаннер, ладно?"

"Почему ты не можешь его достать?"

"Потому что я попросил тебя, малыш". Тон Наруто понизился на децибел в знак предупреждения; он не шутил. "Ну так доставай уже! Я не могуечно держать эту силовую связь вместе, ты же знаешь!" Энакин пожал плечами и потянулся к ближайшему набору, рискуя при этом взглянуть на Наруто.

Лишенный лишь характерного Т-образного козырька и шлема своего собрата и ошетилившийся множеством приспособлений, которые заставили бы вздрогнуть и не такого человека, блондин выглядел экипированным для сражения с небольшой армией. Но не армия испугала Энакина, а его удивительная способность находиться в двух местах одновременно. Даже джедаям такое не под силу: создать точную копию самого себя и отправить ее выполнять приказ. А Наруто говорил, что может создать десятки! Сотни, если понадобится!

Не зря его называли Угрозой. Шиноби Угрозы - вот его настоящий титул, но Энакин понятия не имел, что такое "шиноби". Его больше восхищало множество техник и приемов Наруто, чем любопытство по поводу его бесчисленного прошлого.

"Ты должен научить меня, как это делается". Энакин обратился не к дубликату за спиной, а к человеку в капсуле, не обращая внимания на то, что двойник за его спиной исчез, растворившись в клубах дыма. Этот трюк больше не смущал его, но он жаждал его повторить, когда он подошел к избитому блондину и протянул ему требуемый инструмент. Одна только мысль о том, что он может находиться в двух местах одновременно, вызывала у него тихий трепет.

"Этому навыку я не могу научить". Наруто рассмеялся, взяв инструмент, и его громоздкая фигура на мгновение исчезла в двигателе, а затем появилась вновь. Энакин еще мгновение смотрел, как охотник за головами возится с капсулой, а потом поднялся, возвышаясь над ним во всей своей красе. Энакин с благоговением наблюдал за происходящим и неизбежно перевел взгляд на реактивный ранец мужчины: из него, словно рог древнего зверя, торчала гладкая изогнутая форма смертоносной ракеты ММ-5.

Узумаки Наруто усмехнулся, провел рукой в перчатке по куску ткани и высунулся из ранца. Энакин боролся с желанием броситься к блондину, зная, что тот, несомненно, отчитает его за ребячество. Если кто и был ему дорог так же, как мать, так это этот человек. Он всегда был рядом, сколько Энакин себя помнил, но, в отличие от них, никогда не был рабом Ватто.

Наруто олицетворял собой то, чего он хотел больше всего на свете: свободу. Возможность идти куда хочешь, делать что хочешь и как хочешь. Он поклялся, что когда-нибудь выкупит их обоих из рабства - не только себя и мать по отдельности, но и всех вместе.

Но быть охотником за головами было опасно и дорого; приходилось самому добывать инструменты, да и плата не всегда была стабильной. Тебе платили за вознаграждение, и ты должен был постоянно брать вознаграждение, если хотел, чтобы тебе продолжали платить. А иногда приходилось убивать людей. Энакин не думал, что сможет это сделать. Он просто хотел перестать быть рабом, иметь возможность ходить с матерью куда угодно и никогда не слышать от Уотто...

"Расса-два-купа, пидункель!"

О дьявол!

Энакин, ошеломленный внезапным появлением Уотто и новым всплеском хаттского языка, успел только посмотреть, как его наставник надевает шлем и ныряет за двигатель, прежде чем Уотто набросился на него; он выскочил из глубины цеха и снова начал на него набрасываться с новой порцией оскорбительных прилагательных.

"Ты опять халтуришь, да, парень?!" закричал тоидарианин, вновь направив всю свою ярость на Энакина и убедившись, что поймал мальчишку, пренебрегающего своими обязанностями. "Ты хоть представляешь, во что мне обойдется твоя ленивость? Ты хоть представляешь! Оба-чи-ка!"

С каждым эпитетом его пухлое тело дергалось вперед, заставляя Энакина отступать назад, несмотря на всю его решимость. Костлявые руки и ноги Ватто жестикулировали при движениях его тела, придавая ему комичный вид. Он был зол, но Энакин уже видел его в гневе и знал, чего ожидать. Он не дрогнул и не склонил голову в знак покорности: он стоял на своем и стойко переносил ругань. Он был рабом, а Уотто - его хозяином. Ругань была частью его жизни.

К тому же на этот раз он был не один.

"Я не должен больше позволять тебе ездить за меня!" Все три пальца левой руки Ватто были направлены на него. "Именно так я и должен поступить! Я должен найти другого водителя и продать тебя и твою мать кому-нибудь другому..."

Не успел он произнести эти слова, как раздался характерный щелчок снимаемого предохранителя. Наруто вышел из-за двигателя, и теперь он был вооружен.

Ватто замер на полуслове, встревоженно глядя на длинный ствол бластера. Хотя Энакин не мог видеть лица блондина, он был уверен, что шиноби, превратившийся в мандалорца, наверняка улыбается за маской.

"Ты!" рявкнул Ватто, надвигаясь на охотника в малиновом одеянии. "Что ты здесь делаешь?!"

<http://tl.rulate.ru/book/103609/3604252>